

алексе́й ви́нокуров

алексе́й ви́нокуров

**ТЕМНЫЕ
ВЕРШИНЫ**

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В49

Оформление серии *Алексея Дурасова*

Винокуров, Алексей Юрьевич.
В49 Темные вершины / Алексей Винокуров. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-105258-4

Альтернативная Россия, Москва, наше время. Страной правит Триумвират: трое древних темных магов в образах людей. Хабанера, Мышастый и Чубакка Рыжий.

Темные маги захватили власть в стране в начале XX века. Они питаются могучей силой Великого Кадавра, живого мертвеца, чей труп хранится на главной площади столицы в пирамиде. Но кто знает, где находится настоящий Кадавр?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105258-4

© Винокуров А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Меж тобой и страной ледяная рождается связь —
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямась...

О. Мандельштам

Часть первая

ВО ТЬМУ

Глава 1

БАЗИЛЕВС

Сегодня был особенный день, редкий, да что там — единственный в жизни.

Сегодня он узнал о том, что он кадавр — живой труп, мертвое тело, ходячий прах. Труп хладный, холодеющий, стылый, хоть и не совсем: мраморная кожа еще догорает рыжими пятнышками беглого тепла. Если бы кто решился сейчас поцеловать царственную руку, то ощутил бы губами остатки звериного жара — странным капризом природы, бывает, хранится он на покойниках еще пару часов после смерти.

Но градусник не человек, в нем гуляет ртуть чистая, допотопная, такой еще мамонтов пользовали... это вам не электроны апокалипсиса, оплошность исключена.

Оттого и стоял теперь над базилевсом матерый эскулап — начетчик, знайка, травленный волк. Стоял, пялился на термометр, не верил глазам, а выстоять ничего не мог. Да вот и сами посудите, коллеги: простой дежурный медосмотр — тут нажать, там воткнуть, моча на просвет, дерьмо на понюх, а в конце вечное, как скрижалъ завета, заключение о несокрушимом здоровье...

И вдруг такое. Эдакое.

Да, тут можно сойти с ума, очень даже можно. И не только рядовому лекарю, но и светилу в белоснежном пиджаке, в галстук — брильянт, в запонках — изумруды.

Что он теперь скажет базилевсу, на что решится и решится ли вообще? И сказать нельзя, и утаить никак: свирепый нрав полтента известен и ближним, и дальним, и казненным, и помилованным.

Алексей Винокуров

Не то чтобы базилевс сам обо всем не догадывался. Он догадывался, базилевс, он ведь только с виду простака, на деле же умен, хитер, в бане спиной не поворачивайся, а повернешься — не крикни. А врач этот... что врач? Он подозрения только подтвердил. Да и не врач даже подтвердил, врач — это так, к обычному градуснику дорогой пережиток. Термометр, друзья мои, — вот что сведет мир с ума, сотрясет в основах, повалит навзничь. 25,1 — это, я вам скажу, температура, это наводит на мысли, на чувства разные. Кто тут, к примеру, в покойники последний? Никого? Так я первый буду, хе-хе...

Мда-с, шутки, веселье, резвость — это прекрасно, это так царски. Но при том, как ни крути, его августейшество теперь жмур, усопший, покорник... Это он недавно узнал — человек еще живой, дышащий, но уже преданный трупу — не покойник, но покорник. Хорошо звучит, красиво, а главное — страшно.

А эскулап, не опомнившись толком от потрясения, уже делал привычную работу: заговаривал, убаюкивал, успокаивал — в первую очередь себя самого.

— Перетрудились, базилевс, — мямлил врач, вздрагивал голосом, робел встретиться с застывшими, окаменелыми, но все еще зоркими глазами пациента. Зоркими, проникающими до души, до самых ее потрохов, до последней кишки, до жалкой медицинской потуги. — Нагрузки чрезмерные, упадок сил. Вам бы отдохнуть, потентат. На воды, в южную резиденцию, в теплое море, на солнышки...

Базилевс чуть покривил губу — то ли улыбка, то ли чего пострашнее выползло из желтых его зубов, поди догадайся, эскулапово семя. Нет, солнышки тут не помогут, сколько бездну ни грей, теплее не станет. Вонять — это да, для пущего смраду хорошо останки на солнышко выставить, ну а так... для электората, доктор, побереги свои рецепты... А разговоры про нагрузки да упадок сил — это все в пользу бедных, в пользу нищих. Он и сам диагноз свой знал, угадывал давно, много дней назад стал выползать он из проломов разума. Но то, что раньше было догадкой, домыслом, смутным подозрением, стало теперь очевидностью, былью, книгой бытия.

А ведь как хорошо начинался день! Настроение с утра было не то что неплохое, а такое... беспечное. Как будто не базилевс он

ТЕМНЫЕ ВЕРШИНЫ

над шестой частью суши, а бодрый какой-нибудь людоед мелко-го племени на зеленых, мохнатых, как задница, и забытых богом островах. И всех-то его забот людоедских только и будет, кого сожрать нынче — врага или друга, и в каком именно соусе.

Вот с таким настроением — радостным, солнечным — он и встретил врача. И тот, светило, академик, профессор с подходящей фамилией Хитрован голым инстинктом, чуткой кожей унюхал расположение вождя, а с ним и деньги, почет, славу. Унюхал, расцвел, заулыбался, засиял на высочайшего. Сиял, сиял, пока клиента не настигло законное раздражение, а потом и праведная злоба — у вождей, как известно все праведное, даже понос.

Отчего, однако, злоба и отчего понос? — спросит через века ученый историк, измышляющий биографию высочайшего для просвещения народа, для подражания и примера.

А оттого, знаете ли... Выводил его из себя этот профессор, оскорблял одним присутствием. Врачи, знал, страшнее простых смертных, жизнь их не учит, самый дубовый электорат — и тот приятнее. Парацельсы, авиценны, всякие там эскулапии — тыща лет, как жизни нет! Самонадеянные, наглые, грубые, и хуже всего — профессора. Думают, что они — главные, что всех за яйца держат. Могут и руку сдavit покрепче, в гроб уложить — а кому же в гроб охота, все боятся. Вот и надмеваются над клиентом, важности напускают, снисходительности. К кому снисходительности, козлы безрогие, к высочайшему?! Да он — одним пальцем с лица земли их племя тараканье, сожжет, распылит в прах, уничтожит...

Потентат выдохнул, умерил дыхание, хотел быть справедливым, как великие предтечи его, коим несть ни цифры, ни исчисления. Предтечи все были гуманисты — перед казнью любой враг мог высказаться и покаяться в грехах. Вот и вы, мои хорошие, высказывайтесь, пора... Только не затягивайте, не помогут вам ваши пердисловия, не спасут от насильственной милости.

Конечно, над божественным базилевсом нет у врача власти, пусть даже не надеется. Но ведь и не каждый, кто болен, базилевс. Есть и простые генералы, и олигархи, и бомжи разновсякие, скажете вы. Но и над этим над бомжом нет у врачей власти, даже бомжа не могут они спасти, это уж, извините, от врачей не зависит. А от кого зависит? — спросите. Может, от Бога — который еще неизвестно, есть ли, фактов маловато...

Алексей Винокуров

Убить, правда, врачи могут, тут спорить нечего. Убить, покалечить, словом, жизнь испортить так, что хоть заранее вешайся. Но это ведь и любой может убить-покалечить, любой разумный, воспитанный человек, поднявшийся над своей жалкой природой. Милое дело — ближнему жизнь попортить, на его памяти мало кто мог устоять.

А врач между тем мыслей базилевса не слышал, щерился тихо, млея от важности, клизму мечтал великому человеку вставить. Весь мир трепещет, памперсы замочил, снизу вверх на вождя глядя: как бы бомбой не звезданул! — а он, эскулап, изгаляется, харизму священную хочет топтать итальянскими ботиночками на рыбьих шерстях. А после домой, свинья, завалится и мадаме своей, за обедом, за котлетами, порывивая сладко, начнет врать про кишки и печенки, и про все тайное устройство тела патента. Тела, непостижимого для целого мира, но не для него, врача и светила.

Тут базилевс вздрогнул и отвлекся от мыслей — врач что-то говорил, губы ужимались бледными червяками.

— Простите, не расслышал... — буркнул базилевс (до сих пор из него это «простите» лезло, отрыжка бедной юности, а ведь прощать тут может только он, а уж никак не его).

— Аквариум протек, рыбки улетели? — ерничал врач, с любопытством озирая большой стеклянный параллелепипед в углу кабинета.

Базилевс хищно обрадовался: вот случай сбить спесь с дурака.

— Это не рыбки, — отвечал любезно, — это дракон.

Да, ему нравилось такое — с высоты его положения проявить вежливость, любезность, за которой черной пропастью покачивалась дикая ярость, способная уничтожить полмира.

Но доктор не знал этого, принимал все за чистую монету, за так и надо. И сейчас тоже искренне удивился, повернулся, навел воображаемый лорнет.

— Дракон? Какой дракон? Буквально или, я извиняюсь... как символ государственной власти?

— И символ тоже... Но вообще-то обычный, с Комодо. Так сказать, драко натуралис, хе-хе...

Тут сухому докторскому воображению неизвестно почему представились болотного цвета жилистые крылья, длинная мор-

ТЕМНЫЕ ВЕРШИНЫ

да с неправильным прикусом, холодный рыбий глаз. Он поежился.

— Где же он сейчас, ваш символ?

— Погулять вышел... Гуль-гуль, ням-ням, понимаете? Освежиться, закусить...

На лице доктора отразился легкий ужас. Базилевс злорадно отметил, что бледен стал лекарь, прежде розовый, яко пупс.

— Да вы не бойтесь, — милостиво выговорил потентат. — Ничего с ним не будет, с драконом. Во дворце предупреждены, никто его не тронет... Освежится и вернется.

Доктор шутку не оценил, насупился, сухо перешел к опросу, провел визуальный осмотр, постучал в грудь, заставил дышать — не дышать. Затем измерил давление, и, наконец, добрался до температуры.

Вот тут-то его и шарахнуло со всей дури. 25 и 1 — меньше только в морге. Судя по градуснику, пациент уже какое-то время был в глубокой коме. И оттуда, из комы, раздавал приказания, подписывал законы и отнюдь не торопился на кладбище, где ему самое, между нами сказать, и место.

Профессор еще мямлил что-то, пряча глаза, — прячь не прячь, от судьбы не уйдешь, — а базилевс уже обреченно жал кнопочку тайного вызова, уже мечтал поскорее закончить все дело и забыть, забыть навсегда... ну или хотя бы до ужина.

Вошел сам начальник охраны в ранге Хранителя — по долготе и силе звонка понял, что дело не рядовое, надо явиться лично. Базилевс гримасой отослал врача за дверь, подождал, пока статный Хранитель — золотая звезда на лысом погоне — подойдет поближе.

— Гиппократу наградить, — велел негромко, — и на отдых...

«На отдых» тут могло значить только одно — вечный покой. Идеже нет ни болезней, ни печалей, ни медосмотров. Потентат сказал это тихо, но решительно, не усомнившись.

Сказал — и тут же пожалел... А потом еще и пожалел, что пожалел. Надеялся, что теперь-то уж все станет легко и просто: раздва, нет человека. Ведь если умирать, то для чего же еще, как не для простоты и легкости бытия? Так и он: мечтал о цельности, несокрушимости, надмирности — и чтоб ни людей, ни пустых сожалений. Мечтал, но пока не добился, что-то не вытанцовыва-

Алексей Винокуров

лось. Мертвец еще не взял над ним полной власти, еще шевелилось в душе теплое, слабое, беззащитное... Маленькое, жалкое. Убьешь, говорило маленькое, обратно не воротишь.

Ну и что, отвечал он маленькому беззвучно, какая разница? Вот было, вот нет — всем по барабану.

Но себя убедить не мог, понимал, что есть, есть разница. Не между живым и мертвым разница, кто ее смотрит, а между тираном настоящим и им, базилевсом. Но чем же он хуже настоящего? Разве при нем не убивали людей? Убивали, еще как. Но он об этом как бы ничего не знал. Как бы не имел отношения. Приказов кровавых не раздавал. Не считал, что обязательно всех в асфальт закатать. Это все свита делала, ну на то она и свита, чтобы читать в сердце владыки. В душе только мигнуло что-то, а уж раз — человек и сгинул. А что до самого базилевса — то нет, не говорил, не приказывал, не виновен. И если бы подступил какой-нибудь термидор, брюмер или, не к ночи будь помянут, октябрь, и чернь с голым каком понесла бы все по кочкам, и хотели бы вздернуть вождя на виселицу — то не за что было бы им, не за что. Не виновен, понимаешь, он в крови того-сего праведника. И в крови говнюков тоже не виновен... Теперь вот настал наконец момент отличиться, перейти черту, встать вровень с другими тиранами, а то и превзойти, а он колебался, не решался, сам себя уговаривал: воскресишь — не воскресишь...

Хранитель еще постоял пару секунд, ожидая, не будет ли новых распоряжений. Ничего не дождался, кивнул, вышел вон. Базилевс горько подумал, что слишком много дал воли прислуге. Пора, подумал, давно пора покончить со всем этим дешевым либерализмом... Отчего так мало его трепещут, его, столпа государственности, на котором зиждется страна и даже мельчайший человечек в ней? Нет, теперь, когда он наконец умер, придется все-таки начать новую жизнь. Жестокую, сияющую, историческую. И кесарю в ней будет кесарево, а людишкам — людишково...

Начальник охраны, выйдя из кабинета в прихожую, легко, одним пальцем прихватил Хитрована в его пиджаке, повлек, как есть, белоснежного, с брильянтами-изумрудами за собой по пустым, мрачным коридорам, где с каждой стены затхло дышала то ли вечность, то ли простая плесень рода фузариум. На перекрестке вдруг встал, повернулся, посмотрел прямо в глаза.

ТЕМНЫЕ ВЕРШИНЫ

— Ну так и что? — сказал.

Врач глядел на него с ужасом. Надо было отвечать — и отвечать правду, шутки кончились, это было ясно, как день.

— Он, кажется...

Охранник все глядел на него — вроде заботливо и в то же время без всякого выражения на твердом лице.

— Кажется, он... — повторил врач, не решаясь идти дальше.

Воплощенная невозмутимость дрогнула, охранник открыл рот, фикса блеснула в глаз самоварным золотом.

— Что?!

— Умирает? — как-то вопросительно сказал врач.

Охранник задумался, чего уж вовсе нельзя было от него ждать, — как если бы задумалась вдруг каменная стена. Потом кивнул головой.

— Умирает, — сказал согласно, — но не он.

— А кто? — чуть слышно спросил врач.

Но вопрос этот был уже лишним, неуместным был вопрос. Все и так сделалось ясно — без криков, шума и выстрелов в упор...

Они стояли и смотрели друг на друга — врач и Хранитель, спаситель и палач. Смотрели минуту, другую, третью.

Наконец врач не выдержал, в голосе дрогнула жалобная нота:

— Мне к пациенту надо ехать... Я свободен или?.. Мне можно идти?

Хранитель только плечами пожал:

— Почему нет, идите.

Врач оглянулся радостно, растерянно: а куда?

Хранитель молча взял его за руку, молча прошли несколько длинных коридоров, загибая все время влево, как бы стремясь не выйти, а войти в центр чего-то несказуемого. И в самом деле, спустя пару минут открылась перед ними стеклянная стена, а за нею сад камней, совершенно японский.

Серый, словно мраморный песок улиткой закручивался к центру, четыре бледных уродливых глыбы стояли по краям, и одна, самая уродливая, длинная, замысловатая, бурая, разлеглась посередине — там, куда следом за вращением Земли двигался и приходил взгляд. Заключенный в четыре стены, смотрелся сад в бледные небеса — хотел, но не мог в них отразиться. А может,

Алексей Винокуров

наоборот все было — это небеса и вся Вселенная хотели отразиться в саде, но не могли, не могли...

Минуту, другую, третью стоял врач, глядя в сад. Забыв о Хранителе — да никакого Хранителя рядом уже давно не было, — он сделал невольный шаг вперед и прошел сквозь стеклянную стену, шагнул на песок. Он все смотрел и смотрел, не отрываясь, пока, наконец, глаза его не заслезились, и дрогнув, поплыл перед глазами холодный, пустой осенний воздух. И тогда он вдруг увидел, как самый крупный камень зашевелился, поднялся на короткие кривые ноги, обратился в дракона и не спеша двинулся прямо к нему. Из рта его вынырнул тонкий раздвоенный язык, затрепетал стреноженной молнией...

Хранитель шел по коридорам, уперев глаза в пол и считая шаги, шел, стараясь не спешить, не прийти раньше времени. Вдруг впереди что-то случилось: Хранитель не мог идти дальше. В ярости он поднял пламенеющий взгляд и осекся — дорогу ему преградил невзрачный человек, внешности серой, мышастой, ускользящей от глаза; вокруг него стайей легких бабочек мерцала темнота.

Хранитель замер, почтительно склонил голову, не смел смотреть в лицо темноте.

— Как базилевс? — негромко спросил мышастый. — Что доктор сказал?

— Сказал, что мертв.

Мышастый с минуту стоял в задумчивости.

— Значит, кадавр уже в нем, — проговорил чуть слышно. Вздыхнул и кивнул Хранителю: иди, мол, милый, нечего стоять столбом, дырку в земном шаре простоишь.

Хранитель, все еще не поднимая головы, пошел дальше очень прямо, стараясь ставить стопу тихо и ровно, как будто боялся, что ноги вдруг подломятся и он упадет, ткнется лбом в натертый, твердый, как смерть, паркет.

В себя пришел только перед самой дверью базилевса. Стоял, считал вдохи и выдохи, успокаивался. Наконец, когда сердце перестало биться в ушах, взялся за ручку, открыл тяжелую дверь, заглянул в кабинет.

Тут не было ни единой живой души, лишь трехметровый бурый ящер шумно отдувался в углу аквариума, только что пустого.

ТЕМНЫЕ ВЕРШИНЫ

— Вопрос решим, — негромко сказал Хранитель, не глядя на ящера.

Ящер ничего не ответил. Он и вообще был неразговорчив, этот ящер *Varanus komodoensis* из семейства варанов (в длину достигает 3 метров, вес — до 166 килограммов, включая непеваренную пищу, образ жизни одиночный, пойкилотермный).

Хранитель еще постоял несколько секунд, вежливо посматривая на замаскированную дверь, — за ней, он знал, была комната отдыха базилевса. Но в кабинете так никто и не появился, и он вышел, бережно прикрыв за собой темные двустворчатые врата тяжелого мореного дуба.

Глава 2

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Грузин сидел в огромном черном кресле, впившись пальцами в подлокотники. Он врос в кресло, утонул в нем, почти растворился — так он думал скрыться от страданий, которые, словно псы преисподней, шли за ним по пятам, преследовали, гнали, рвали на части. Окна, двери — все было закрыто, задернуто, погружено в полутьму, благодатную, охлаждающую, но все равно жаркую, мучительную, трудную.

Бедная его, почти разломленная пыткой голова запрокинулась назад, глаза мученически уперлись в низкие багровые облака, плывущие по темному, в золотых разводах потолка. Облака пульсировали, вспыхивали, из них вырывались молнии, ударяли прямо в мозг, в правую сторону, живую еще, трепещущую, а левая была суха, мертва, недвижна...

Молнии били одна за другой, а он вздрагивал от чудовищной боли, корчился, как заяц, пойманный в капкан, и корчился с ним вышитый на спинке кресла желтоносый орел-могильник, раздирал могучие крылья, хотел сорваться, улететь прочь. О, если бы разогнать кровавые тучи, распылить, пролить дождем — сразу стало бы легче, спокойнее, он знал это, и никаких денег бы не пожалел. Но тучи были прокляты, на них не действовала ни твердая углекислота, ни йодистое серебро, ни свинец, и не было такого самолета, чтобы доставить к ним нужный реагент.